

Александръ Осиповъ

БРАТЪМЪ ДО ШКОЛЪ,
НАСТАВНИКАМЪ И ВОСПИТАТЕЛЯМЪ —
ПОСВЯЩАЮ
АВТОРЪ.

БРАТЪЯМЪ

СТИХИ
1927—1933

Обложка и заставки
раб. Н. М. ШИШАЕВОЙ

1933 г. ТАРТУ

А. К. Л.

БРАТЬЯМЪ ПО ШКОЛЬ,
НАСТАВНИКАМЪ И ВОСПИТАТЕЛЯМЪ —
ПОСВЯЩАЮ!

АВТОРЪ.

Въ моихъ стихахъ лишь въ будущемъ отрада,
А все кругомъ — печально и темно,
Полно тоска, фантмы и миды,
И мукой дной и злому посвящено.

Въ моихъ стихахъ о родни и Богѣ
Могно въ пять содунитыхъ и простыхъ,
По этой метафизической тревогѣ
Она думаетъ — острый русский стихъ.

Она мыслитъ все, что въ необъятномъ мирѣ
Недостижимо нашему думу,
Она съ „мальчишьями русскими“ въ трагирѣ
Насладится таинственной думу.

Она любить Русь и кратко помнить Бога,
Созданье карамзинской души,
Она отъ начала вплоть до англога
То борется, то молится въ глуши.

Въ моихъ стихахъ лишь въ будущемъ отрада,
А все кругомъ — печально и темно,
Полно тоски, безумія и яда
И мукой злой и зломъ искажено.

Въ моихъ стихахъ о родинѣ и Богѣ
Мотивовъ нѣтъ бездумныхъ и простыхъ,
Въ своей метафизической тревогѣ
Онъ думаетъ — суровый русскій стихъ.

Онъ мыслить все, что въ необъятномъ мірѣ
Непостижимо нашему уму,
Онъ съ „мальчиками русскими“ въ трактирѣ
Изслѣдуетъ таинственную тьму.

Онъ любитъ Русь и крѣпко помнить Бога,
Созданье карамазовской души,
Онъ отъ начала вплоть до эпилога
То борется, то молится въ глуши.

Отвѣтъ поэтессѣ Н. Некрасовой.*)

Поэты есть! и пишутъ . . . и творятъ . . .

Не умерло ихъ вдумчивое слово,

Но о себѣ они не говорятъ, —

Закрыто все для прежняго, былого.

Поэты есть! и пишутъ . . . и творятъ . . .

Лишь новшество для нихъ закрыло двери, —

Другихъ стиховъ пустой, но модный рядъ

Къ нимъ подорвалъ священное довѣрье.

Поэты есть! и пишутъ . . . и творятъ . . .

И жалкія слова предали тѣмѣ забвенья,

Но новые ихъ критики корятъ,

И имъ внимаютъ наше поколѣнье.

Поэты есть! и пишутъ . . . и творятъ . . .

Прогнали ихъ, но ихъ не побѣдили.

Пусть презираютъ ихъ, пусть клеветы твердятъ —

Они живутъ и крѣпнутъ въ своей силѣ.

Поэты есть! и пишутъ . . . и творятъ . . .

И часъ придетъ — расколются оковы . . .

Мы побѣдимъ! Пусть люди говорятъ,

Что мы больны! Неправда! — Мы здоровы! . . .

*) „Разсвѣтъ“. 1927 г.

Будь
Пят
И за
Вс

ТВО.

— Огласи
— Посмотри

Что любил.
За и не кь чьму оно.

З Е М Л Я

Целя жить. Не тратьте света!
Впрочем, житье — все равно
Проживайте! . . . Ибо светит
Приговоръ впрочем давно*

Эпикурейство.

Будемъ жить текущимъ днемъ,
Пить мгновений краткихъ благо
И забудемъ, что кругомъ
Въ міръ все больно и наго . . .

Пессимизмъ.

— Оглянись на міръ! — „Постыло!“
— Посмотри кругомъ! — „Темно!“
Что любилъ, — уже не мило,
Да и не къ чему оно.

Цѣли нѣтъ. Не тратьте свѣта!
Впрочемъ, жгите — все равно . . .
Прожигайте! . . . Пѣсня слѣта:
Приговоръ прочтенъ давно“ . . .

Узники.

Вотъ они! пасынки зла, преступленія,
Хилыя дѣти неволи и тьмы,
Жертвы проклятой минуты паденія,
Граждане „сѣрой державы“ — тюрьмы.

Миръ васъ отринулъ, какъ камни негодные;
Вы на землѣ не нужны никому;
Люди не падшіе, люди свободные
Съ ужасомъ васъ узнають по клейму.

Бѣдные братья, никѣмъ не любимые,
Трудно вставать вамъ въ тюремномъ гробу,
Трудно любить вамъ, всѣмъ міромъ гонимые,
Трудно вамъ вѣрить въ иную судьбу.

Люди забыли завѣты Спасителя —
Миръ отъ тюрьмы отстоитъ далеко.
Боже! пошли Ты туда Просвѣтителя:
Зло жъ не бездонно и не глубоко.

Можетъ быть, встанутъ изъ узниковъ многіе,
Холодъ молитвой въ огонь превратятъ,
Свѣтлыми, сильными встанутъ убогіе,
Въ пропасти искры зари заблестятъ.

Боже! зови ихъ — они постараются,
Духомъ и плотью возстанутъ на зло.
Какъ они ищутъ, ползутъ и срываются,
Какъ имъ подняться и встать тяжело.

Ждите, вѣтры . . .

Проносились вѣтры быстро надъ горами,
Надъ зелеными могучими лѣсами.
Пѣли вѣтры пѣсни — буйныя, какъ море,
И звучали въ пѣсняхъ ихъ тоска и горе . . .
— „Что грустите, вѣтры? Мало, что ль, вамъ воли?
Или надоѣло вамъ носиться въ полѣ?“
Отвѣчали вѣтры: — „Жить намъ стало худо,
Потому грустимъ мы, что на свѣтѣ чудо
Объявилось гдѣ-то: люди полетѣли
И просторомъ нашимъ гордо овладѣли . . .
Мы теперь рабами стали человѣка
И рабами будемъ до скончанья вѣка . . .
Вотъ мы и горюемъ, что ушло то время,
Когда вольнымъ было наше вѣтровъ племя“.
— „Не грустите, вѣтры: люди въ вѣчной ссорѣ
И куютъ себѣ же цѣпи рабства, горя . . .
И себя жъ погубятъ сами властелины . . .
Ждите, ждите, вѣтры, роковой години!
Вольно полетите по лицу земли вы
И опустошите ихъ поля и нивы.
Человѣкъ погибнетъ, самъ себя погубить,
Потому, что брата онъ уже не любить;
Потому, что Бога люди оскорбляютъ
И любви законы блудомъ подмѣняютъ . . .
И хулятъ святое, и живутъ безъ страха, —
Только ради тѣла, только ради праха,
И безстыдно грязью дѣвственность пятнаютъ
И что день — то больше, глубже погрязаютъ,
И несутся быстро въ пропасть зла, порока . . .
Ждите . . . ждите, вѣтры, рокового срока! . . .

Торжествуютъ по свѣту тираны
Всѣ отѣнковъ, девизовъ, цвѣтовъ.
Всѣ въ убійствахъ стремительно-рьяны,
А къ любви — ни одинъ не готовъ.

Для какой-то далекой идеи
Льютъ кипучую близкую кровь . . .
Ахъ, скажите вы мнѣ, „чудодѣи“,
Что взамѣнъ вы возсоздали вновь?

Груды книгъ и проектовъ мы знаемъ,
Видимъ щебень снесенныхъ палатъ,
Но не этого мы ожидаемъ
Въ вашемъ царствѣ нужды и заплатъ.

Дайте намъ обновленную радость,
Дайте счастье свободно любить,
Дайте скорбью сожженную младость . . .
Перестаньте, безумцы, губить!

I.

То парами, то вѣтромъ идутъ корабли
По морямъ одряхлѣвшей и сѣрой земли;
Но давно океанъ
Не таятъ больше странъ,
Гдѣ нога моряка не ступала, —
Вся таинственность міра пропала.

Опошлѣла земля подь культурнымъ ярмомъ,
Улеглись дороги въ унынѣ прямомъ,
Смыто съ карты давно
Бѣлой краски пятно,
Но земля интереснѣй не стала
Съ той поры, какъ себя распознала.

II.

Все извѣдалъ, вкусилъ и позналъ человѣкъ
И не знаетъ, чѣмъ жить въ наступающій вѣкъ...
Нѣтъ, души не замѣнить машина,
Покорившая вдругъ господина.
Охъ, не сладко въ плѣну добровольномъ
Быть рабомъ въ своемъ градѣ престольномъ.

Улетѣть бы далече отсель на звѣзду,
Уничтожить бы разомъ культуры узду,
Да начать бы все дѣло сначала...
Хорошо бы, да сердце устало.
И живетъ человѣкъ подневольнымъ,
Не надѣясь стать снова довольнымъ.

Усобицы.

Запѣла тугая тетива,
И плавно помчалась стрѣла,
И сердце, не кончивъ порыва,
Метнулось... и кровь потекла.

И биться оно перестало,
И потъ заструился съ чела,
И тѣло на землю упало,
И жизнь порвалась... и ушла.

Лежить онъ спокойный и строгій,
Въ глазахъ его замеръ вопросъ:
За что его жизнь съ полдороги
Чужой, равнодушный унесъ.

И вороновъ черная стая,
Почуявъ пролитую кровь,
Летить изъ зарѣчнаго края,
Чтобъ тризну отпраздновать вновь.

1931 г.

Аллегорія.

(Посвящается Ю. М.)

Снѣгъ засыпалъ насъ давно,
Но вѣдь мертвымъ все равно.

Лѣто насъ не оживить,
Никогда не пробѣжить

Вновь по тѣлу крови токъ.
Въ бурный жизненный потокъ

Выйти намъ не суждено —

Мы мертвы, мертвы давно . . .

1927 г.

Усобицы

Весна.

Короче ночи. Блещуть лужи.
Лучи дробяць и топятъ ледъ.
Умчались дни жестокой стужи.
Проснулся міръ — весна идетъ.

Синѣеть даль. Рокочуть шумы
Природы, вставшей ото сна.
Въ душѣ царяць благія думы,
Душа поеть — весна! . . весна! . .

Буди скорѣй земныя дали,
Въ лѣсу построй зеленый храмъ
И съ лаской счастья и печали
Разлей цвѣточный ѳиміамъ.

1928 г.

Р О Д И Н А

... Д. Э.

Ты и я

Лишь тебя, земля родная,
Я еще не разлюбилъ
И тобой живу, страдая
Въ мірѣ труповъ и могилъ.

3. Д . . .

— „Почему ты пишешь только
о родинѣ и Богѣ?“

Не то нынче время, родная,
Чтобъ цѣть красоту и любовь :
Ты знаешь, что русскаго края
Сочится невинная кровь.

Ты слышишь и стоны, и крики
За проволокой, тамъ, вдалекѣ.
Читаешь, какъ страшны и дики
Чиновные звѣри въ ЧеКе.

Да, ты, не подумавъ, сказала,
Я знаю — болѣешь и ты
Великою скорбью развала,
Смертельной тоской пустоты.

И чуешь, какъ борется съ Богомъ
Надъ нашей землей сатана,
И въ сердцѣ пронзенномъ и строгомъ
Ей, вѣрю я, крѣпко вѣрна.

1931 г.

Декабристы.

„Зачѣмъ ее вы такъ любили?“ —

Я думалъ, родину кляня,

Когда, оковами звеня,

Въ Сибирь вы тихо уходили.

Когда, оковами звеня,

Въ Сибири золото вы копали,

Я думалъ, подвигъ вашъ цѣня,

О томъ, какъ низко вы упали.

Когда, цѣпями не звеня,

Домой вы вольно возвращались,

Въ пути вы встрѣтили меня,

Со мною горько распрощались . . .

А я, оковами звеня

(За то, что поднялъ сталь булата),

Пошелъ туда, къ добычѣ злата,

Святую родину цѣня . . .

1928 г.

Туманъ и роса.

(Посвящается Ю. Г. К.).

Надъ озеромъ синимъ вставали туманы
Неясной толпою таинственныхъ грезъ,
Въ нихъ слышались стоны, сочилися раны,
И падали капли жемчужныя слезъ . . .
Надъ озеромъ синимъ проносятся тѣни,
Надъ озеромъ Ужасъ въ туманѣ скорбитъ:
Тамъ кто-то рыдаетъ, упавъ на колѣни
Надъ кѣмъ-то, а этотъ — растерзанъ, убитъ.
И просить тамъ кто-то о чьей-то пощадѣ,
И брань и насмѣшки кому-то въ отвѣтъ . . .
Тамъ кто-то сражался и гдѣ-то въ засадѣ
Отправился въ дальній, невѣдомый свѣтъ.
Тамъ кто-то замученъ, и кто-то запуганъ,
И кто-то готовить отмщенія ядъ . . .
Тамъ кто-то оплеванъ и кто-то поруганъ,
Тамъ видѣнъ Судьбы немигающій взглядъ.
И гдѣ-то рыдаютъ и молятъ, и просятъ,
И гдѣ-то молитва святая звучитъ,
Но эту молитву хулятъ и поносятъ,
И къ Небу кощунственный хохотъ летитъ.
И гдѣ-то въ страданьяхъ шлифуются души,
И гдѣ-то готовятся къ битвѣ со Злымъ,
И тамъ же болѣзненнѣй, чаще . . . и глуше
Хрипятъ Соловки и далекій Нарымъ.

Не прошлое эти кровавыя тѣни,
Но тѣни текущихъ и будущихъ лѣтъ
О комъ-то, о чемъ-то . . . Склоните колѣни! . .
Молитесь, чтобъ снова зажегся тамъ свѣтъ.

Надъ озеромъ синимъ поднялось свѣтило —
И пали туманы уродливыхъ грезъ . . .
О прошломъ, лихомъ — лишь одно говорило:
Безсчетныя капли сверкающихъ слезъ.

1927 г.

Съ Лодки
Годы и дни

Видно — пономь в немъ
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь

Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь

Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь
Видно — зѣла и пономь

Съ Городища . . .

Направо — покосы и нивы,

Налѣво — лѣса и поля,

Межь ними проселка извивы,

И всюду — родная земля.

Холмы есть, но больше — равнины,

На нихъ же — поля и лѣса,

Ихъ много, и тамъ, гдѣ долины

Встрѣчаютъ вдали небеса, —

Все тѣ же родныя равнины,

Все та же родная земля,

Гдѣ Днѣпръ свои движетъ стремнины,

Гдѣ маковки рѣютъ Кремля.

1928 г.

Подснѣжникъ.*)

Подснѣжникъ оттуда! изъ русскихъ лѣсовъ.

Завядшій, измятый цвѣтокъ.

Тебя прижимаю я къ сердцу безъ словъ, —

Ты въ сердцѣ пускаешь ростокъ.

Имъ старое будишь, рождаешь имъ новъ

Ты, родины дальней привѣтъ,

Тоской и томленьемъ волнуешь ты кровь,

Пророча какой-то разсвѣтъ.

Ты что-то желаешь и чѣмъ-то коришь . . .

Ты образъ и символъ Руси . . .

Съ тоскою о чемъ-то ты мнѣ говоришь —

Исполню! . . исполню! . . проси . . .

*) „Русскій Свѣтъ“ 17. 3. 1929.

Сѣверь.*)

Мой сѣверь! Это ты!

Твои поля, цвѣты

Ласкаютъ нѣжно взоръ,

Твои вершины горъ

Въ бездонной вышинѣ

Тихонько шепчутъ мнѣ

Про Родину мою . . .

Тебя я узнаю,

Мой сѣверь дорогой! . .

Угрюмый, но родной.

*) „Русскій Свѣтъ“ 17. 3. 1929.

Встала рѣка. На окошкахъ кристаллики.
Блѣдное небо и средній морозъ.
Спать подъ рогожами бойкіе ялики.
Пашеть равнину сѣдой паровозъ.

Въ теплыхъ вагонахъ сидятъ за газетами,
Спорятъ сердито о важныхъ дѣлахъ,
А за окномъ красота невоспѣтая:
Снѣгъ на равнинѣ и снѣгъ на горахъ.

Бѣлыя рощи и пажити снѣжныя —
Свѣтлое парство волшебнаго сна;
Краски печальныя, тихія, нѣжныя,
Холодъ и смерть . . . а помыслишь — весна.

Спать, только спать эти почки и вѣточки,
Лишь отдыхаютъ кормильцы-поля,
Жизнь притаилась, но новыя клѣточки
Къ новому лѣту готовить земля.

1931 г.

Во дни гоненій.

(Легенда.)

Отзвучали послѣдніе звоны,
Воцарилась кругомъ тишина,
И въ покинутой церкви иконы
Видитъ въ битыя окна сосна.

Заткала ихъ вуалью сѣдою
Паука хитроумнаго сѣтъ,
И, открытые сѣгу и зною,
Начинаютъ ихъ лики темнѣть.

А на улицахъ — гомонъ и клики
Позабывшихъ о Богѣ людей,
И глядятъ осужденные лики
На безумныхъ своихъ палачей.

И незримыя катятся слезы
По штыками пробитымъ щекамъ, —
И въ отвѣтъ на хулы и угрозы
За гонителей молится храмъ.

По ночамъ — въ немъ шуршанье и стоны,
И горятъ за престоломъ огни,
И оживъ преклоняютъ иконы
Предъ Всевышнимъ колѣни свои.

И свершаетъ обрядъ Литургіи
За погибшихъ святительскій клиръ :
Величайшій Подвижникъ Россіи
Призываетъ на Отчину миръ.

Николай, вдохновенный и строгій,
Миръ Ликійскихъ епископъ сѣдой,
Омываетъ Спасителю ноги
Милосердемъ горящей слезой.

И согбенный и очень убогий,
Преклоненный къ землѣ Серафимъ,
Онѣмѣвший въ мольбѣ на пороги,
Всю обѣдню лежитъ передъ Нимъ.

И до самаго солнца восхода
Раздаются моленья Святыхъ,
И разноситъ ихъ гимны природа
Въ укрѣпляющихъ снахъ золотыхъ.

Не помогутъ желѣзные силы,
Заржавѣють въ изгнаньи штыки —
Русь воздвигнуть лишь тѣ, чьи могилы
Уничтожены властью ЧеКи.

Если только ко Господу Богу
Припадемъ образумившись мы,
Пророкоchetъ Архангелъ тревогу,
И пройдетъ изступленіе тьмы.

И святые небесныя рати
Снизойдутъ на пустыя поля,
И о каждомъ умученномъ братѣ
Имъ повѣдаетъ скорбно земля.

И противникъ лихой Михаила
Передъ словомъ : „Спаситель воскресъ!“ —
Задрожитъ, и падеть его сила,
Ослѣпленная блескомъ небесъ.

И затеплятся въ храмахъ лампады,
На престолы сойдетъ Благодать,
И людей изъ церковной ограды
Перестанутъ злословить и гнать.

И опять на Руси просіяетъ
Миромъ, правдой и свѣтомъ Христось...
Это — Русь православная знаетъ
Въ годы бурь, испытаній и слезъ.

Наши дни.

Мы живемъ, мы живемъ въ очень страшные дни
Умиранія старой Россіи.
Гаснутъ, гаснутъ ея вѣковые огни
Подъ ударами новой стихіи.
И волнуется мракъ, и трясется земля,
Съ шумомъ падаютъ стѣны сѣдыя,
И не видно креста на макушкахъ Кремля —
Жить безъ Бога хотятъ молодые.
И трепещетъ народъ и по старому гнетъ
Терпѣливыя русскія спины
И безропотно крестъ свой тяжелый несетъ,
Чуя временность красной години.
И въ глубинахъ души вѣритъ твердо въ Христа,
Знаетъ путь свой, какъ міръ этотъ старый,
Вѣчно новый, какъ все, что подъ сѣнью Креста,
И смѣется надъ гордостью ярой:
„Стройте міръ безъ Него! — Поглядимъ, какъ пойдетъ,
А потомъ — на иную дорогу,
На испытанный путь, что далеко ведетъ:
Все къ Тому же забытому Богу!“
Богъ забытый! — не страшны ли эти слова?..
Богъ забытый — Господь Промыслитель!..
Какъ не рвется на части отъ нихъ голова?
Какъ ихъ терпитъ доселѣ Спаситель?..
Богъ забытый! Отринула благо земля
И сгораетъ въ огнѣ преступленій.
Кровь и потъ, и тѣла утучнили поля,
И растутъ на нихъ нивы гоненій.

Гонять вѣру и правду, и судъ, и законъ,
Всюду Истинѣ двери закрыты:
Самъ Антихристъ, занявъ обезчещенный тронъ,
Управляетъ при помощи свиты.
Эта свита — пороковъ неистовый рой,
Эта свита — исчадія ада . . .
И идетъ, и летитъ всесжигающій строй
На твердыни Небеснаго Града.
Русскій людъ, помолись! Уповай на Творца! —
Эти дни, можетъ быть, роковые:
Это время, быть можетъ, — начало конца,
Или — скоро воскреснетъ Россія.

1931 г.

С. Э. Ф.—пъ.

Учительницы русской рѣчи,
За рубежомъ, въ чужой странѣ.
Зарницы родины далече,
За горизонтомъ, въ вышинѣ.

Туда нельзя. Кругомъ межъ нами
Иной народъ, иная рѣчь.
Вамъ подвигъ данъ : вашъ путь и знамя —
Въ изгнаньи родину беречь.

Вѣдь если тѣ, что нынѣ въ школѣ,
Начнутъ свой путь безъ языка —
Они не русскіе!.. имъ болѣ
Дорога наша не близка.

Они пойдутъ чужія нивы
Чужими плугами пахать,
И нашихъ пѣсенъ переливы
Ихъ не заставятъ зарыдать.

И наше горе, наши слезы,
Нашъ русскій духъ и русскій путь,
Былое наше, наши грезы
Назадъ не смогутъ ихъ вернуть.

И только ты, родное слово,
Святой Руси немолчный гласъ,
Спасти способно и готово
Спасать отъ бурь и смерти насъ.

Да, ты способно новъ изгнанья
Отъ вырожденья отстоять
И нашей родины страданья
Растущимъ юнымъ передать.

И ихъ для будущаго дѣла,
Для созиданья и труда
Растить упорно и умѣло
Во дни позора и стыда.
Учительницы русской рѣчи,
Воительницы темныхъ дней,
Боритесь смѣло! недалече
Свѣтъ Короленковскихъ огней

1932 г.

Смертники.

Вѣтеръ выль и плакаль до разсвѣта.
Моросило. Дождь стучалъ въ окно.
А наутро съ первымъ всплескомъ свѣта,
Кто-то молвилъ: „Братцы! Все равно

Мы не можемъ ждать себѣ пощады:
Черезъ часъ залаетъ пулеметь,
Запятнаетъ кирпичи ограды
И мою и вашу жизнь возьметъ . . .

Если въ комъ душа грѣхомъ болѣетъ
Пусть пока не поздно говорить . . .
На землѣ никто насъ не жалѣетъ
И никто любовью не горитъ . . .

Тамъ же Богъ услышитъ наши стоны,
Покаянье, слезы и простить . . .
Братцы!.. Было... жегъ и я иконы —
Осквернилъ въ Заволжьѣ цѣлый скитъ.

Делегатомъ краснаго колхоза
Прибыль я на ссыпку въ Красноградъ;
Лошадей колхознаго обоза
И людей привелъ съ собой отрядъ.

Помѣщенье дали намъ въ соборѣ.
Страшно надругались мы надъ нимъ . . .
(Горе, окаянному мнѣ, горе!)
Ночью мнѣ послышалось: „Горимъ!..”

Я вскочилъ . . . Колхозники вскочили . . .
Смрадный дымъ заполнилъ цѣлый храмъ.
Темные клубы его душили . . .
Съ жадностью тѣснилися къ дверямъ . . .

Сѣно было сложено въ притворѣ —
Кто-то тамъ окурокъ обронилъ.
(Горе, окаянному мнѣ, горе!)
Дымъ моихъ товарищей убилъ...

Худо стало. Я упалъ на плиты.
Дымъ сгустился. Грохоть, вой огня.
Нѣтъ спасенья, помощи, защиты...
„Боже, Боже! умертви меня!“

Боже! Боже! — вспомнилъ я о Богѣ,
А молитвъ не знаю ни одной...
Мозгъ трещить въ мучительной тревогѣ...
„Встань!“ услышалъ, „и иди за мной!“

Тихій старецъ шель. Я ползъ и плакалъ.
Ходъ въ подвалъ онъ показалъ: „Иди!“
Голосъ ступеней желѣзныхъ звякалъ...
Старецъ былъ безшуменъ впереди...

Въ каменномъ подвалѣ улыбнулся:
„Выйдешь! — не кощунствуй! Не грѣши!..“
Къ лѣстницѣ желѣзной повернулся,
Скрылся, бросивъ краткое: „Спѣши!“

Выползъ я изъ темнаго подвала;
Двѣ недѣли въ клиникѣ лежалъ...
Все душа по Богу тосковала...
Каялся, молился и дрожалъ...

Свѣтлое видѣнье посѣтило —
Старца я увидѣлъ: „Алексѣй!
Миръ сейчасъ безбожье затопило —
Родину и Церковь пожалѣй!...“

Сталь я странникомъ и вѣстникомъ о Богѣ,
Долго проповѣдывалъ Христа . . .
Ноги закалились отъ дороги,
Тѣло — отъ молитвы и поста . . .

Туть, близъ лавры русскаго святого
Испущу послѣдній смертный вздохъ . . .
Богъ осудить праведно и строго . . .
Праведный и милостивый Богъ . . . “

Тихо. Шестъ часовъ. Настало!
Загремѣлъ томительно замокъ . . .
„Собирайтесь!..“ Молча и устало
Люди потянулись за порогъ.

У стѣны построились рядами.
Рѣзко откомандовалъ краскомъ . . .
Трехъхалось огненное знамя . . .
Солнце встало огненнымъ глазкомъ . . .

1933 г.

Н Е Б О

Т. П—вой.

Господи! укрой нашъ грѣшныхъ,
Отъ людского зла;
Вошющихъ, безутѣшныхъ,
Чающихъ тепла.

Дай намъ силу всепрощенья,
Чтобъ простить врагамъ.

Дай намъ слезы умиленья,
Дай намъ мѣръ, какъ храмъ.

Дай намъ крѣпость для моленій,
Душу утверди
И услышь насъ въ ночи бдѣній,
И прости . . . прости . . .

1929 г.

Л. К. I—o.

Господь, отчизна, братъ — три несравненныхъ слова:
Бездѣльна жизнь людей безъ имени Христова;
Безъ родины мы всѣ лишь пасынки земли;
Безъ братолюбія — не христіане мы.

1931 г.

Жизнь.

На землѣ грохочетъ жизнь — работа.
У людей же въ сердцѣ мысль — забота.
Въ мірѣ томъ спокойствіе — молитва.
А у насъ со зломъ, съ порокомъ — битва.

Т. П—вой.

На IV Конгрессѣ Движенія
Получилъ я сей скромный альбомъ
И невольно подумалъ о томъ,
Какъ не трудно на Съѣздѣ сближеніе.

Всѣ мы жили, замкнувшись въ себѣ,
Другъ о другѣ почти что не знали,
Собрались — и въ Господней семьѣ
Какъ-то разомъ всѣ братьями стали.

И подумалъ еще: почему?
И отвѣтилъ — отъ Господа Бога
Духъ Святой низлетаетъ къ тому,
Кто Ему потрудился немного.

Слабы мы, и ничтоженъ нашъ трудъ,
Но Всевышній все видитъ и знаетъ.
И дары благодати текутъ,
И любовь этотъ съѣздъ озаряетъ.

Вспомнимъ, братья, какъ нынѣ въ крови
У людей много зла и сомнѣній,
И свеземъ имъ со Съѣзда гореній
Сѣмена христіанской любви.

1931 г.

Погребеніе.

Сыпятся комья на доски сосновыя,
Доски смолистыя, желтыя, новыя.
Быстро лопаты съ землею справляются,
Видно, торопятся или стараются
Съ черной работой скорѣе расправиться.
Видно, людей погребать имъ не нравится.
Комья же сыпятся съ грохотомъ, съ шорохомъ,
Падаютъ въ яму то грудой, то ворохомъ.
Крышка нѣмая землею покрылася,
Кой гдѣ блеснула, сверкнула и — скрылася.
Яма заполнена. Холмъ поднимается.
Споро и быстро работа кончается.
Вотъ и засыпали. Люди ушли.
Дворники гладко слѣды замели.
Тихо на кладбищѣ. Мертвые спятъ.
Тамъ за оградю люди шумять :
Плачутъ, смѣются, страдаютъ, живутъ.
Тутъ же все тихо, тутъ мертвые ждутъ
Трубнаго гласа и часа Суда,
Ждутъ . . . и уносятся мыслью туда.

1929 г.

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Двѣнадцать ударовъ въ полночное время,

Двѣнадцать ударовъ часовъ . . .

Ликуеть о чемъ-то безумное племя

Больныхъ и голодныхъ рабовъ.

О чемъ вы поете? Вѣдь съ каждой годиною

Все ближе и ближе конецъ.

Все уже дорога, и тяжкою льдиной

Васъ давить бездушность сердецъ.

Покайтесь! Не поздно!.. но скоро настануть

Еще небывалые дни,

И ваши же предки изъ праха возстануть,

И васъ же осудятъ они.

Вы знали о Богѣ и съ Богомъ рождались,

Но вы потеряли Его . . .

Напрасно поете! Молитесь! Остались,

Быть можетъ, часы для того.

1931 г.

Погребение.

Новый годъ! Попросимъ, брата, Бога,
Чтобы Онъ несчастнымъ намъ помогъ.
У дверей небеснаго Чертога
Блудный сынъ вернувшись изнемогъ:

„Стукъ! Стукъ! Стукъ! Молю! Открой мнѣ двери,
Знаю я, что тяжело согрѣшилъ:
Обманулъ избранникъ Твой довѣрье
И Твое наслѣдство расточилъ.

Въ новый годъ, измученный страстями,
Я свое безумье осозналъ . . .“
— „Сынъ, войди и будь на бракъ съ нами.“ —
Богъ Отецъ съ любовью приказалъ.*)

*) „Правосл. Собесѣдн.“ 1932. № 1.

Кончится скоро зима, —

Знаетъ объ этомъ сама.

Солнце вгрызается въ снѣгъ,

Вѣтеръ надъ парюю слегъ

Новую пѣсню поетъ.

Новое время идетъ.

Умеръ въ страданьяхъ Христось.

Вѣримъ, воскреснетъ опять . . .

Послѣ рыданій и слезъ

Будемъ мы счастьемъ сіять.

Смерти, вершины всѣхъ золь,

Въ мѣрѣ не вѣченъ престоль.

1932 г.

Изъ акаѳиста

Чудотворной Иконѣ Державной Божіей Матери. *)

I.

Въ скорбные дни Ты явилась Небесная,
Въ дни, когда злоба надъ Русью глумилася,
Въ сонномъ видѣньи старушка безвѣстная
Такъ къ Тебѣ, Божія Мати, взмолилася:

Радуйся масла въ свѣтильникъ налившая,
Радуйся вѣры огонь распалившая,
Радуйся робкимъ надежду подавшая,
Радуйся часъ воскресенья назвавшая,
Радуйся чудомъ Денницу сразившая,
Радуйся злomu предѣлъ положившая —
Чтить Тебя отъ-вѣка Русь православная,
Радуйся, радуйся, Мати Державная!

Въ хижинахъ бѣдныхъ надеждой блеснувшая,
Въ темень кромѣшную свѣтомъ плеснувшая,
Въ тюрьмахъ, въ Сибири, въ копяхъ Акагуя
Слезно поемъ мы Тебѣ: Аллилуйя!

*) См. „Сергіевск. листки“ 1929 г. № 2 (18).

Скорбь и радость.

II.

Въ трудное время открывшись, Великая,
Ты возвѣстила въ грядущемъ спасеніе.
Пусть силы ада безчинствуютъ гикая,
Мы же поемъ, вѣря въ часъ воскресенія:
Радуйся въ тюрьмахъ людей утѣшавшая,
Радуйся святость безмѣрно стяжавшая,
Радуйся инокамъ силу дававшая,
Радуйся вѣрныхъ отъ скорби спасавшая,
Радуйся Русь къ искупленію ведущая,
Радуйся демонамъ путы плетушая —
Радуйся отъ-вѣка до-вѣка славная,
Радуйся, радуйся, Мати Державная!

Въ славной Иконѣ Свой ликъ показавшая,
До возрожденія Себя не назвавшая,
Мати, Тебѣ, славослова ликуя,
Громко поемъ мы вездѣ: Аллилуйя!

Изъ акаѳста

III.

Правда, закрыты святыя обители,
Тьма надъ Россіей нависла кромѣшная,
Но не убьютъ нашей вѣры гонители —
Есть у гонимыхъ Защита нездѣшняя:
Радуйся праведныхъ радость безмѣрная,
Радуйся вѣрнымъ Заступница вѣрная,
Радуйся Божья свѣча негасимая,
Радуйся свѣтомъ всечастно хвалимая,
Радуйся милости щедро дающая,
Радуйся Господу славу поющая —
Радуйся наша Заступница главная,
Радуйся, радуйся, Мати Державная!

На землю крови и горя вступившая,
Скорбныхъ, гонимыхъ покровомъ покрывшая,
Образъ Твой дивный явленный цѣлуя,
Съ вѣрой поемъ мы Тебѣ: Аллилуйя!

1929 г.

Скорбь и радость.

Постъ. Протяжное пѣнье.

Службы долгія. Свѣчи.

Вздохи, шопоть, говѣнье

И согбенныя плечи.

Равномѣрное чтенье.

Напряженье молитвы.

Свѣтлый часъ — Причащенье

И суровыя битвы

Съ длиннымъ рядомъ пороковъ,

А потомъ Воскресенье :

Исполненье пророковъ,

Человѣка спасенье.

Громъ ликующій хора.

Крестный ходъ. Поцѣлуи.

Солнце. Писанки. Бора

Шумъ весенній и струи

Вѣтерковъ. Зелень поля.

Возрожденье природы.

Воля! Милая воля! —

Прочь теперь непогоды . . .

Богъ воскресъ ! Пала злоба.

Мѣста нѣтъ искушеньямъ.

Смерть ушла. Ужась гроба

Замѣненъ возвращеньемъ

Въ домъ Отца. Всюду радость.

Какъ прекрасно творенье !

О, великая сладость ! —

Дивенъ Богъ воскресенья.

* * *
Помоги мнѣ, Боже, къ истинѣ стремиться,
Постигать святое,
Думать и молиться.

Помоги мнѣ, Боже, добрымъ жить на свѣтѣ,
Все любить, всѣмъ вѣрить
И о каждомъ лѣтѣ

Возносить съ хвалою къ небесамъ куренья
И слагать душою
Гимны — пѣснопѣнья.

1931 г.

* * *
Боже, дай намъ грѣшнымъ радость
Сохранить въ лихіе дни
Вѣры крѣпость, бдѣній сладость
И святой огонь любви.

И въ грядущія години
Сохрани отъ зла и бурь
Эти согнутыя спины,
Этихъ ясныхъ глазъ лазурь . . .

Ты грехишь... Мы хотим жить!
Восстать, ребята, против
Нарастающей боли

Н О В Ь

Ex libris univ. Tart.

Порогъ жизни.

НОВЬ.*)

Вѣчно греза о просторѣ,
О преданьяхъ старины,
Ты растешь въ нуждѣ и горе
Ночь родимой стороны.

Ты куешь свои булаты
И водою, и огнемъ,
Ты, забывшая палаты, —
Строишь, строишь Русскій Домъ.

Ты готовишь дни иные,
Ты гремишь: „Мы встанемъ вновь!“
Воскресить тебя, Россія,
Нарастающая ночь . . .

*) „Ст. Нарвскій Листъ.“ № 130. . 1932. г.

На абитуриентской вечеринкѣ.

(Рѣчь.)

Скоро мы разсѣмся по свѣту
И въ трудахъ подъ бременемъ заботъ
Позабудемъ къ будущему лѣту
Этотъ классъ и этотъ школьный годъ . . .

Мы увидимъ новыя картины,
Погрузимся въ новыя дѣла,
И у насъ появятся морщины —
Отпечатки жизненнаго зла . . .

Лишь порой, въ тяжелыя минуты
Помянемъ, быть можетъ, эти дни,
Когда ногъ не сдерживали путы,
И горѣли въ будущемъ огни . . .

И тогда оцѣнимъ эти годы,
Этотъ знакъ *) слезою освятимъ
И, забывъ обиды и невзгоды,
Воскресимъ все связанное съ нимъ.

1929 г.

*) Абитуриентскій значокъ.

Порогъ жизни.

(Рѣчь по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ.)

Прощайте, други! Нынѣ мы
Стоимъ на роковомъ порогѣ,
Предъ міромъ зла, борьбы и тьмы,
Въ суровой боевой тревогѣ.

Развѣютъ насъ лихіе дни,
И потеряемъ мы другъ друга,
И путеводные огни
Притушить лѣтъ суровыхъ вьюга.

Но какъ-то жизнь свою проживъ,
Мы всѣ уйдемъ туда — куда-то,
За что-то что-то заслуживъ:
Бѣднякъ и разсыпавшій злато,

Ничтожный — умный, добрый — злой...
Мы не задержимся здѣсь, въ мірѣ.
Ужасно кратокъ вѣкъ земной!..
Такъ проживемъ его пошире!

Пускай по міру прогремить,
Что мы судьбѣ не уступили,
Стояли твердо, какъ гранить,
И дѣло наше завершили . . .

Пускай встаетъ девятый валъ —
Мы къ битвамъ съ бурями готовы.
Могучъ и твердъ нашъ идеаль,
И не колеблются основы.

Скорѣй! Поднимемъ паруса!..
Впередъ! Впередъ въ объятія бури!
Что — горы, пропасти, лѣса,
Когда нашъ путь ведетъ къ лазури?!

Впередь! Туда, гдѣ блещетъ свѣтъ!
На штурмъ сѣдыхъ твердынь порока!
Впередь! Впередь! Грядетъ разсвѣтъ
Для омраченнаго Востока.

1930 г.

Черезъ годъ.

Мы, выйдя за ворота школы,
Разстались бодро и свѣтло.
Въ скорбяхъ проходимъ дали, доли,
И сердце холодно и зло . . .

Мы у послѣдняго порога
Сойдемся снова . . . какъ враги,
Безъ правды, безъ любви, безъ Бога,
Съ душою ледяной пурги . . .

Помолимся, чтобъ мысли эти
Не сбылись. Страшныя слова!
Но . . . въ мірѣ ямы, въ мірѣ сѣти,
И видѣнь путь едва, едва . . .

И трудно безъ поддержки друга
Пройти сквозь тьму и много лѣтъ
Все ждать, когда осилитъ вьюга
Твой кожей скрашенный скелетъ . . .

Но все лишь сонъ, коль братъ за брата
Готовъ отдать послѣдній вздохъ,
И противъ сильныхъ супостата
Идетъ нашъ строй и — съ нами Богъ . . .

И звать я скорбно не устану
И всю любовь свою вложу
Въ призывъ: „Скорѣй къ святому стану! . . .
Ты изнемогъ? — Я поддержу . . .“

Весеннее . . .

(Новымъ стилемъ.)

Мѣрный, томительный звонъ :

„Дон!.. дон!.. донь!..“

Колоколь бьетъ : „Въ храмъ! Въ храмъ!“

Малый зоветъ : „Къ намъ! Къ намъ!“ —

Постъ.

Капельки съ крышъ звенять :

„Тиль!.. Тиль!..“

Старцы въ калошахъ брюзжать :

„Грязь!.. Гниль!..“

А молодежь,

Безъ калошъ,

Идетъ,

Поетъ :

„Весна —

Красна!

Скорѣй,

Сюда!

Пускай

Вода

Съдыхъ снѣговъ

Снесетъ покровъ

Традицій и устоевъ,

Обычаевъ людскихъ,

Злыхъ смлетень, пересудовъ

И „прочихъ всѣхъ такихъ . . .“

Чтобы
Злобы
Не было бы,
Чтобы намъ молодымъ

Жить такъ, какъ хотимъ :
Какъ сердце велить,
Какъ душѣ не претить,
Какъ волюшка наша
Съ перваго часа

Весны —
Красны
Возмечтала,
Возжелала

И чѣмъ юность воспылала :

Вольнымъ быть,
Всѣхъ любить,
Какъ серебро,
Хранить добро
И, какъ злато,
Цѣнить брата,
Какъ алмазь
(Пуще глазъ)

Сторожить, голубки, васъ! . . .
Чтобы тетушки-кофейницы лихія
Васъ не сглазили и черствыя, сухія
Въ пять минутъ
Скорый судъ
Не изrekli . . .

Впрочемъ, намъ до нихъ нѣтъ дѣла!
Гей, друзья, живите смѣло! —

Этотъ часъ

Весь для насъ!

Пройдетъ весна,

Не станетъ сна,

Грезъ золотыхъ,

Думокъ святыхъ —

Такъ вотъ тогда пойдемъ и мы,

Быть можетъ, съ сѣрымъ міромъ тьмы,

А пока тѣ дни далеки —

Руки фертомъ!

Руки въ боки!

Танцуй!

Пляши!

Друзей

Смѣши!

И, забывъ печаль,

Устремляйся въ даль . . .

Розовѣтъ востокъ,

Хоть нашъ путь и далекъ —

Вѣримъ твердо мы всѣ въ идеалы . . .

Осушайте-ка, други, бокалы!

И опять въ пьянящій бой

Съ цѣлымъ міромъ и судьбой!..

Нашъ день! нашъ часъ!

Пусть міръ противъ насъ,

Такъ весна, такъ юность съ нами,

А съ такими знаменами,

Знаемъ, намъ запретовъ нѣтъ —

Покоримъ хоть цѣлый свѣтъ . . .

Лихо! лихо! братцы, въ ногу!
Въ путь-дорогу!
Слава Богу!
Запѣвало, запѣвай!
Шагомъ маршъ!..
Не отставай!..
Эхъ, ширь, развернись!
Міръ, встань, встрепенись!
Легионъ твой молодой
Дать рѣшилъ послѣдній бой . . .

Труби, трубачъ! —
Идетъ гроза . . .
Дружины вскачь!..
Закрой глаза
Несмѣлый, грусъ,
Ты слышишь крикъ?!
То страшный мигъ!
Какъ зерна бусъ,
Бѣгутъ ряды.
Скорбящій міръ
Тамъ, впереди . . .
Насталъ нашъ срокъ —
И, какъ потокъ,
Грязь смывая,
Истребляя,
Отдирая,
Раздробляя,
Налетѣли,
Зашумѣли —

Всѣ палаты
Опустѣли,
Всѣ заплаты
Отлетѣли,
Всѣ злодѣи
Помертвѣли . . .
Въ градъ
Влетѣли.
Сѣли . . .
Повелѣли:
„Злымъ уйти
Прочь съ пути!
Вѣру удвоить!
Быть перестроить!
Врагамъ въ отвѣтъ
Дать совѣтъ:
Съ дороги свернуть,
Насъ обогнуть.
А затѣмъ
Всѣмъ:
Каждый дѣлай дѣло,
Правду рѣжь смѣло,
Для Бога живи,
Братьевъ люби! . . .
Да ранней весною
На Пасхѣ съ зарею
Въ каждой вѣси
„Христосъ Воскресе!“
Провозглашай! . . .“

Чтобы знали всё въ мірѣ,
Что сѣвера шири
О праздникѣ славятъ Христа.
Да знаютъ народы,
Забывшіе броды
Къ спасенью, о дѣлѣ Креста.

А на привѣтъ
Взгремить въ отвѣтъ:
„Воистину Воскресе!“

Воднымъ всплескомъ въ каждомъ плесѣ,
Вольнымъ вѣтромъ на лугу,
Крикомъ филина: „Агу!..“
Въ роцѣ шумомъ,
Въ полѣ свистомъ,

Изъ могилъ придетъ отвѣтъ . . .
Станешь послѣ атеистомъ?!
— „Нѣтъ! Скорѣй монахомъ, свѣтъ!..“

Христіанской молодежи.

Братья по вѣрѣ и крови,
Бодро шагайте впередь,
Чтобы услышалъ о Словѣ
Бога забывшій народь.

Юныхъ и старыхъ зовите,
Церковь храните отъ зла,
Знайте, что вы побѣдите,
Какъ бы метель не мела.

Съ вами небесныя рати,
Вы предводимы Крестомъ,
Льетъ потокъ благодати
На закаленныхъ постомъ.

Ваши мольбы не пропали,
Миръ вы введете во храмъ.
Съ именемъ Бога вы встали —
Кто воспротивится вамъ . . .

1932 г.

Р. С. Х. Дв.

Когда мы движемся вперед —
Съ хоругвью пламеннаго Бога,
Кто остановитъ нашъ походъ,
Хотя участниковъ немного?

Но съ нами ангельская рать,
И Церкви кровь виситъ надъ нами,
И льется съ неба благодать
На наше молодое знамя.

И пусть неопытны вожди,
И войны безконечно юны,
Пусть мракъ и ужасъ впереди,
И путь — песковъ сыпучихъ дюны.

Но суть не въ насъ, творимъ не мы,
Но черезъ насъ творитъ та Сила,
Которая и хладъ зимы
Для Серафима отмѣнила. *)

Опасность есть, и въ насъ она:
Лишь охладѣемъ мы немного —
Исчезнетъ свѣтъ, наступитъ тьма,
И въ ней мы потеряемъ Бога.

Лишь только къ пламеннымъ сердцамъ
Нисходитъ Богъ, а къ теплохладнымъ
Приходятъ бѣсы, правятъ тамъ,
И горе имъ, гробамъ наряднымъ . . .

И это зная, пламенѣтъ
Неугасимую лампадой
Должны мы всѣ, чтобы имѣть
Небесной помощи ограду . . .

*) См. бесѣду Св. Серафима съ Мотовиловымъ.

Съ ней, повторяю, насъ никто
И никогда не уничтожить,
Но бдите — внутреннее зло
Въ цѣпяхъ, но эти цѣпи гложеть . . .

Л Ю Б О В Ъ

Любовь.

Вольная и свободная землица наша
Посолилась въ сердце к поэтѣ, поэтѣ,
И смотрю съ тоскою на людскія лица,
Все, кого-то сердце безнадежно ждети.

Итакъ расплываешь о любви, о вѣки,
Сердце бьется, ищетъ, но кого? кого?
Кто придетъ, кто сядетъ на его престолъ?...
Только бы найти мѣтъ, разномыслить это.

Вотъ изъ толпы маленькая дѣвочка за дѣвками,
Растворилась, скрылась чья-то голова, —
Встрепенулось сердце: „Не шумишь словами!
Не сморять бѣнны жалкія слова...“

Побѣждаешь скорбе! Полагаешь скорбью!
Только бы увидѣть, заглянуть въ глаза!...
Поборись скорбе! Не борись со мною!
Видишь, влздишь глазу? Посмотри, слова!

Мая ты не знаешь, что любовь приходитъ
И наполняется, побѣждаетъ все,
И владеетъ сердцемъ к ружью водить.
Развѣ не иридашь ты еще се?..“

Огнѣмъ востанути гдѣ-то стрѣла,
Словъ, разбитыхъ дога
Ночь, гдѣ-то вѣтъ и утокъ
Бытъ, гдѣ-то вѣтъ и дождя

Любовь.

Вольная и сильная золотая птица
Поселилась въ сердцѣ и поеть, поеть . . .
Я смотрю съ тоскою на людскія лица,
Все кого-то сердце безпокойно ждетъ . . .

Птица распѣваетъ о любви, о волѣ,
Сердце бьется, ищетъ, но кого? кого?
Кто придетъ, кто сядетъ на его престолѣ? . .
Только бы найти мнѣ, разыскать его . . .

Вотъ въ толпѣ мелькнула гдѣ-то за домами,
Растворилась, скрылась чья-то голова, —
Встрепенулось сердце: „Не шурши словами! . .
Не смирать бѣнья жалкія слова . . .

Побѣжимъ скорѣе! Полетимъ стрѣлою!
Только бы увидѣть, заглянуть въ глаза! . .
Покорись скорѣе! . . Не борись со мною! . .
Видишь, видишь плачу? Посмотри, слеза! . .

Или ты не знаешь, что любовь приходитъ
И заполняетъ, побѣждаетъ все,
И владѣетъ сердцемъ и рукою водить . . .
Развѣ не извѣдалъ ты еще ее? . .“

1932 г.

Грезы.

Улечу я въ дальній край,

О тебѣ мечтаю

Май, веселый мѣсяць май

Молодость святая!

Пѣсню новую сложу

Для тебя безъ звуковъ,

О нездѣшнемъ расскажу

Въ часъ полночныхъ стуконъ.

Пусть стучать, на то и ночь

Тайной міръ покрыла,

Ужасъ можно превозмочь,

Глядя на свѣтила.

— Два изъ нихъ — твои глаза,

Мѣсяць — твои губы

Въ небѣ млечная стезя

Силуэты — трубы.

Все кругомъ лишь силуэты,

Тѣни — строки саги

Ночь играетъ менуэтъ

Нѣги и отваги

Ходятъ призраки, скользятъ

Въ пудрѣ и камзолахъ

Мы проходимъ длинный рядъ

Царственныхъ престоловъ

И вельможи и цари,

И рабы и слуги

Отъ зари и до зари

Наполняютъ струги.

Струги быстрыхъ, какъ стрѣла,
Сновъ, романсовъ ночи . . .
Ночь весенняя бѣла,
Быть нельзя короче . . .

Мы идемъ, а фея ткеть
Для влюбленныхъ теани . . .
Кто не любить, тотъ уснетъ,
Чтобъ забыть о брани.

Пусть и намъ не избѣжать
Злой пучины боя,
Въ немъ мы сможемъ устоять,
Другъ за друга стоя . . .

Ночь проходить. Глянь, — заря.
Чу! — запѣли птахи.
Спи, усни, забывъ „вчера“ —
Зло и грязь и страхи.

Помни, завтра мы съ тобой
Дружною четою
Полетимъ въ кипящій бой
Сильные весною.

И до дней осенней, злой,
Сѣрой непогоды
Темныхъ дней пожнемъ съ лихвой
Жатву дѣлъ свободы . . .

Я люблю, ты любишь, онъ —
Міръ — тотъ насъ не любить.
Любимъ мы, и нашъ законъ
Никого не губить.

Вы не любите — такъ что жъ,
Пусть они не любятъ.
Насъ съ тобою сплетенъ ножъ
Острый не погубить.

Мы отъ нихъ защищены
Не одеждой сѣрой,
Мы съ тобою взрощены
Христіанской вѣрой.

1932 г.

Снѣгъ предатель скрипитъ подь ногами.
И зачѣмъ-то горять фѣнари . . .
Я слѣжу за тобою глазами,
Оставаясь чуть сзади, въ тѣни.

Ты идешь подь надежнымъ конвоемъ:
Я готовъ умереть за тебя,
Докажу сокрушительнымъ боемъ,
Что умѣю быть храбрымъ любя.

Пусть сутулы спокойныя плечи,
Пусть гимнастъ я безумно плохой —
Не боюсь подозрительной встрѣчи,
Не сверну предь ватагой лихой.

Что? убьютъ? Умираютъ однажды,
А любя и погибнуть легко . . .
Въ томъ краю, гдѣ не вѣдаютъ жажды,
Такъ кругомъ широко, широко . . .

Я любить тамъ тебя не устану,
По небесному буду любить —
Охранять тебя, ясная, стану,
О тебѣ буду Бога молить . . .

Тамъ мы встрѣтимся снова съ тобою,
Чтобъ Единого славить Христа,
Тамъ увидимся новой весною
У подножья Святого Креста.

1932 г.

Утѣшеніе.

Любимая, знаешь, мнѣ нынче сказали,
Что ты загрустила опять.
Открой мнѣ все горе, причину печали . . .
Мнѣ нужно, мнѣ хочется знать.

Быть можетъ, тебѣ помогу я немного,
Быть можетъ, утѣшу тебя . . .
Ты знаешь, какъ сильно, какъ сказочно много
Мы можемъ трудиться любя.

Ты плачешь? . . . То горе исходить слезами . . .
Повѣрь мнѣ, что горе пройдетъ.
Законъ переменъ установленъ не нами,
Но въ насъ отъ начала живетъ.

Любимая, радость, я вмѣстѣ съ тобою,
Страданья со мной раздѣли.
Я буду бороться и съ этой борьбою
Дойду до предѣловъ земли.

1932 г.

Объясненіе.

Я люблю, но любимъ ли я такъ же тобой,
Этой тайны еще я не знаю.
Можетъ быть, этотъ вечеръ — послѣдній и злой,
Но сегодня я все разгадаю.

Ты молчишь, опустила стыдливо глаза,
Ты смущенно не молвишь ни слова,
Или въ сердцѣ встаетъ и флокочетъ гроза?
Или ты отвѣчать неготова?

Но я жду и дождусь я, и „да“ или „нѣтъ“
Я изъ устъ твоихъ милыхъ услышу
И съ душой восхищенною встрѣчу разсвѣтъ,
Или скроюсь въ тѣнистую нишу.

Буду плакать, и пусть разгорается день,
Пусть щебечуть залетныя птахи,
Будетъ ночь, будетъ въ сердцѣ могильная тѣнь,
Будетъ жизнь моя злая на плахѣ.

Я люблю, но любимъ ли я такъ же тобой.
Эту тайну я скоро узнаю,
Ибо ночью сегодня въ аллеѣ пустой
Отъ тебя я отвѣтъ ожидаю.

1932 г.

Любовь небесная.

Тотъ, кто любить, себя забываетъ,
Только счастья желаетъ другимъ,
Горе терпитъ, обиды прощаетъ,
Въ каждомъ доброе видитъ и знаетъ,
Что порокъ — лишь обманчивый дымъ.

Любить онъ въ этой жизни земное
Какъ творенье Владыки всего,
Но душа его рвется въ иное
Изъ юдоли то хлада, то зноя
И любить хочетъ только Его.

Ищетъ душу такого же духа,
Чтобы вмѣстѣ работать Христу
Въ этомъ мірѣ, гдѣ черство и сухо
Любятъ люди себя, и гдѣ глухо
Раздаются призывы къ посту.

Покаянье и бдѣнья ночныя
И восторги моленій святыхъ
Отвергаютъ безумцы земные,
И любовью пороки ихъ злые
Называютъ писатели ихъ.

Но любовь, это — то, что спасаетъ,
Что ведетъ къ самымъ горнымъ мірамъ.
Тотъ, кто любить, тотъ Господа знаетъ;
Тотъ, кто любить, въ комъ сердце пылаетъ,
Въ этомъ сердцѣ имѣетъ свой храмъ.

1933 г.

Оглавление.

„Въ чинѣхъ стнзаетъ жювь въ будущемъ отрадѣ.“ 5
Открытѣ поэтессы Н. Нотрвской. 6

А К В Я Я.

Чаяніе.

Востурѣвѣнъ 7
Понедѣльнѣ 8
Узникъ 10
Жалѣ. 11
Торѣнъ 12
То дѣрѣнъ въ вѣтрѣхъ вѣтрѣхъ 13

Какъ порою мнѣ хочется ласки,
Понимающей ласки любви . . .
Гаснутъ въ небѣ вечернія краски,
Западъ тонетъ и плачетъ въ крови.

Горѣнъ 14
Горѣнъ 15
Горѣнъ 16
Горѣнъ 17
Горѣнъ 18
Горѣнъ 19
Горѣнъ 20
Горѣнъ 21
Горѣнъ 22
Горѣнъ 23
Горѣнъ 24
Горѣнъ 25
Горѣнъ 26
Горѣнъ 27
Горѣнъ 28
Горѣнъ 29
Горѣнъ 30
Горѣнъ 31
Горѣнъ 32
Горѣнъ 33
Горѣнъ 34
Горѣнъ 35
Горѣнъ 36
Горѣнъ 37
Горѣнъ 38
Горѣнъ 39
Горѣнъ 40
Горѣнъ 41
Горѣнъ 42
Горѣнъ 43
Горѣнъ 44
Горѣнъ 45
Горѣнъ 46
Горѣнъ 47
Горѣнъ 48
Горѣнъ 49
Горѣнъ 50
Горѣнъ 51
Горѣнъ 52
Горѣнъ 53
Горѣнъ 54
Горѣнъ 55
Горѣнъ 56
Горѣнъ 57
Горѣнъ 58
Горѣнъ 59
Горѣнъ 60
Горѣнъ 61
Горѣнъ 62
Горѣнъ 63
Горѣнъ 64
Горѣнъ 65
Горѣнъ 66
Горѣнъ 67
Горѣнъ 68
Горѣнъ 69
Горѣнъ 70
Горѣнъ 71
Горѣнъ 72
Горѣнъ 73
Горѣнъ 74
Горѣнъ 75
Горѣнъ 76
Горѣнъ 77
Горѣнъ 78
Горѣнъ 79
Горѣнъ 80
Горѣнъ 81
Горѣнъ 82
Горѣнъ 83
Горѣнъ 84
Горѣнъ 85
Горѣнъ 86
Горѣнъ 87
Горѣнъ 88
Горѣнъ 89
Горѣнъ 90
Горѣнъ 91
Горѣнъ 92
Горѣнъ 93
Горѣнъ 94
Горѣнъ 95
Горѣнъ 96
Горѣнъ 97
Горѣнъ 98
Горѣнъ 99
Горѣнъ 100

Стонетъ вѣтеръ. Вечерняя фея
Пролетаетъ надъ старымъ холмомъ,
И стою я, кого-то жалѣя,
И скорблю . . . и не знаю о комъ . . .

РОДНА.

„Днѣ тѣбѣ, вѣнѣ вѣнѣ“ 19
Горѣнъ 20
Горѣнъ 21
Горѣнъ 22
Горѣнъ 23
Горѣнъ 24
Горѣнъ 25
Горѣнъ 26
Горѣнъ 27
Горѣнъ 28
Горѣнъ 29
Горѣнъ 30
Горѣнъ 31
Горѣнъ 32
Горѣнъ 33
Горѣнъ 34
Горѣнъ 35
Горѣнъ 36
Горѣнъ 37
Горѣнъ 38
Горѣнъ 39
Горѣнъ 40
Горѣнъ 41
Горѣнъ 42
Горѣнъ 43
Горѣнъ 44
Горѣнъ 45
Горѣнъ 46
Горѣнъ 47
Горѣнъ 48
Горѣнъ 49
Горѣнъ 50
Горѣнъ 51
Горѣнъ 52
Горѣнъ 53
Горѣнъ 54
Горѣнъ 55
Горѣнъ 56
Горѣнъ 57
Горѣнъ 58
Горѣнъ 59
Горѣнъ 60
Горѣнъ 61
Горѣнъ 62
Горѣнъ 63
Горѣнъ 64
Горѣнъ 65
Горѣнъ 66
Горѣнъ 67
Горѣнъ 68
Горѣнъ 69
Горѣнъ 70
Горѣнъ 71
Горѣнъ 72
Горѣнъ 73
Горѣнъ 74
Горѣнъ 75
Горѣнъ 76
Горѣнъ 77
Горѣнъ 78
Горѣнъ 79
Горѣнъ 80
Горѣнъ 81
Горѣнъ 82
Горѣнъ 83
Горѣнъ 84
Горѣнъ 85
Горѣнъ 86
Горѣнъ 87
Горѣнъ 88
Горѣнъ 89
Горѣнъ 90
Горѣнъ 91
Горѣнъ 92
Горѣнъ 93
Горѣнъ 94
Горѣнъ 95
Горѣнъ 96
Горѣнъ 97
Горѣнъ 98
Горѣнъ 99
Горѣнъ 100

ЧЕВО.

„Горѣнъ, вѣрѣ вѣрѣ“ 39
Горѣнъ 40
Горѣнъ 41
Горѣнъ 42
Горѣнъ 43
Горѣнъ 44
Горѣнъ 45
Горѣнъ 46
Горѣнъ 47
Горѣнъ 48
Горѣнъ 49
Горѣнъ 50
Горѣнъ 51
Горѣнъ 52
Горѣнъ 53
Горѣнъ 54
Горѣнъ 55
Горѣнъ 56
Горѣнъ 57
Горѣнъ 58
Горѣнъ 59
Горѣнъ 60
Горѣнъ 61
Горѣнъ 62
Горѣнъ 63
Горѣнъ 64
Горѣнъ 65
Горѣнъ 66
Горѣнъ 67
Горѣнъ 68
Горѣнъ 69
Горѣнъ 70
Горѣнъ 71
Горѣнъ 72
Горѣнъ 73
Горѣнъ 74
Горѣнъ 75
Горѣнъ 76
Горѣнъ 77
Горѣнъ 78
Горѣнъ 79
Горѣнъ 80
Горѣнъ 81
Горѣнъ 82
Горѣнъ 83
Горѣнъ 84
Горѣнъ 85
Горѣнъ 86
Горѣнъ 87
Горѣнъ 88
Горѣнъ 89
Горѣнъ 90
Горѣнъ 91
Горѣнъ 92
Горѣнъ 93
Горѣнъ 94
Горѣнъ 95
Горѣнъ 96
Горѣнъ 97
Горѣнъ 98
Горѣнъ 99
Горѣнъ 100

Оглавленіе.

„Въ моихъ стихахъ лишь въ будущемъ отрада.“	5
Отвѣтъ поэтессы Н. Некрасовой.	6

З Е М Л Я.

Эпикурейство	9
Пессимизмъ	—
Узники	10
Ждите, вѣтры	11
„Торжествуютъ по свѣту тираны“	12
„То парами, то вѣтромъ идутъ корабли.“	13
Уобицы	14
Аллегорія	15
Весна	16

Р О Д И Н А.

„Лишь тебя, земля родная“	19
З. Д.	20
Декабристы	21
Туманъ и роса.	22
Съ Городища	24
Подснѣжникъ	25
Съверь	26
„Встала рѣка. На окошкахъ кристаллики.“	27
Во дни гоненій.	28
Наши дни	30
С. Э. Ф.—шъ.	32
Смертники	34

Н Е Б О.

„Господи, укрой насъ грѣшныхъ“	39
Л. К. I—o.	40
Жизнь.	—

Т. П—вой.	41
Погребеніе	42
Въ Новый годъ	43
„Новый годъ! Попросимъ, братья, Бога.“	44
„Кончится скоро зима.“	45
Изъ акаѣиста	46
Скорбь и радость	49
„Помоги мнѣ, Боже, къ истинѣ стремиться.“	50
„Боже, дай намъ грѣшнымъ радость.“	—

Н О В Ъ.

Новь	53
На абитуриентской вечеринкѣ.	54
Порогъ жизни	55
Черезъ годъ.	57
Весеннее	58
Христіанской молодежи.	64
Р. С. Х. Дв.	65

Л Ю Б О В Ъ.

Любовь	69
Грезы	70
„Снѣгъ предатель скрипитъ подь ногами“	73
Утѣшеніе.	74
Объясненіе	75
Любовь небесная	76
Чаяніе	77